

Tatiana Wołynec, Anastazja Russkich

Лакуны в тексте русскоязычного перевода поэмы А. Мицкевича "Пан Тадеуш"

Acta Polono-Ruthenica 7, 239-245

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tatiana Wołyniec, Anastazja Russkich
Państwowy Białoruski Uniwersytet w Mińsku

Лакуны в тексте русскоязычного перевода поэмы А. Мицкевича *Пан Тадеуш*

Непереводимое в переводе – проблема не новая, но каждый раз она наполняется новым содержанием и приобретает новые формы выражения в зависимости от объекта исследования.

Приведение художественной литературы „является частью национальной культуры, раскрывающей особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал народа, так или иначе связанный с общечеловеческой системой ценностей”¹, поэтому при изучении языковой системы произведения с ярко выраженным национальным колоритом обязательно проявляются различия в способах и средствах обозначения реалий действительности.

Русскоязычный перевод поэмы А. Мицкевича *Пан Тадеуш*, выполненный С. Мар, отличается полнотой содержания, сжатостью формы и сохранением своеобразия авторского текста. Однако при всем стремлении переводчика как можно точнее передать содержание поэмы, в русском тексте-переводе всё-таки встречаются лакуны, заполненные в тексте-оригинале производными именами существительными, поскольку язык оригинала и язык перевода всегда представляет собой „сложное взаимодействие денотативных (обращенных к действительности) и сигнификативных (обращенных к образам этой действительности) элементов”².

Производные слова отличаются прозрачностью семантики (если только она не осложнена добавочными смыслами) и формы, поэтому гипотетически они должны переводиться легче, чем производные лексемы. Однако из отмеченных нами в тексте

¹ Ю. Д. Апресян, *Избранные труды. В 2-х т.*, Москва, Школа „Языки русской культуры” 1995, с. 67.

² И. Э. Клюканов, *Психологические проблемы перевода*, Калинин, Калининский государственный университет 1989, с. 5.

поэмы *Pan Tadeusz* 3762 производных существительных при переводе на русский язык теряется 848 лексем.

Объективны и даже в некотором смысле предсказуемы лакуны, появляющиеся в тексте-переводе при столкновении переводчика с польскими производными именами существительными со своеобразной внутренней формой, с этнокультурным или национально-культурным компонентом в семантической структуре. Так, если внутренняя форма русского слова-эквивалента не соответствует внутренней форме польской лексемы, то русское слово с эквивалентным польской производной лексеме содержанием может не включаться в текст перевода, чтобы не допустить разрушения (или искажения) поэтического образа. Польское существительное *krwawnik* имеет русский эквивалент *тысячелистник*, но в основу русского названия положен признак количества листьев, а не цвета растения. В строках: *Stanąwszy nad strumieniem, rzuciła na trawnik // Z ramion swój szal powiewny, czerwony jak krwawnik*³ [с. 81] смысл сравнения *czerwony jak krwawnik* при переводе на русский язык утрачивается, поэтому переводчик его опускает: *Здесь у ручья она, чтоб грезить не мешали, // Постлала на траве узоры яркой шали* [с. 641]).

Как правило, опускаются при переводе безэквивалентные производные имена существительные, план содержания которых невозможно сопоставить с каким-либо русскоязычным лексическим понятием. Например, существительное *dębniak* является названием национального польского напитка: *`cierpko aromatyczny miód pitny, czwórniak, zwany także obozowym lub kwiacianym; chmielony z dodatkiem cynamonu, jagód, jałowca i korzenia waleriany; ogólnie synonim wystąlego, wytrawnego miodu pitnego*.⁴ В поэме данная лексема выступает в составе синонимического ряда: *Beczka starej siwuchy, dębniaku i piwa* [с. 197]. Однако в тексте-переводе нет дословного эквивалента ни одного из перечисленных названий напитков: русск.: *И ломаются столы, вино течет рекою* [с. 757].

Перевод некоторых безэквивалентных понятий на русский язык затруднен исторической спецификой функционирования лексем. Так, трудность при переводе польской лексемы *Jeneralność*

³ Здесь и далее цит. по изд.: А. Mickiewicz, *Pan Tadeusz*, Минск, Беларускі фонд культуры 1998, 879 с.

⁴ *Wielka encyklopedia powszechna*, t. 4, Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1965, с. 29.

(‘название свода документов и постановлений дворянских съездов в Речи Посполитой’)⁵ на русский язык заключается в том, что она обозначает не просто историческую реалию, а обладает ещё и национальной спецификой, то есть содержит семантический компонент регионального колорита, что сближает подобные лексемы с экзотизмами, обычно вводимыми в текст перевода с помощью транслитерации... Однако передача данной реалии в тексте-переводе с помощью транскрипции была бы не совсем правомерна, так как русскоязычному читателю всё равно понадобился бы обширный комментарий значения данного понятия. В анализируемом нами русском тексте-переводе существительное *Jeneralność* опущено, что, на наш взгляд, всё равно не лишает текст исторической окрашенности благодаря сохранению перевода существительного *akty*: *Ten wyrok marszałkowski pan Pisarz umieści W aktach Jeneralności, a Woźny obwieści* [с. 253] – русск.: *Пусть писарь поспешит в акт занести решение* [с. 809].

Отсутствие в русском тексте-переводе некоторых производных лексем в некоторых случаях можно объяснить не только безэквивалентностью содержания, но и различием понятийных связей, которые данное слово вызывает у носителей сопоставляемых языков. Например, существительное *jaselki* у поляков ассоциируется с декорациями и кукольным театральным представлением, посвящённым празднику трёх королей во время рождественского поста: польск.: *Jako osóбки, które na trzykrólskie święta Przesuwają w jaselkach ukryte chłopięta* [с. 39]. Русское же существительное *ясельки* скорее ассоциируется с „воспитательным учреждением для маленьких детей”, поэтому переводчик сознательно отказывается от данной лексемы.

Иногда понятия, в структуру лексического значения которых входит этнокультурный компонент, по данным переводного словаря, имеют соответствия в русском языке. Но употребление таких эквивалентов в тексте-переводе может привести к разрушению образной системы и национальной специфики поэмы, так как в семантике данных лексем вместе с понятийной основой (которая может и совпадать) отражается и национальное

⁵ Здесь и далее значения польских лексем определяются по словарю польского языка: *Słownik języka polskiego*, t. 1–3, Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1978.

мироощущение, практический тысячелетний опыт нации⁶. Например, существительное *dobrodziej* является вежливым обращением, принятым и среди шляхты, и среди простых крестьян. Но ни одно из русских этикетных обращений (милостивый государь, сударь, батюшка) не передает ни национального колорита польской лексемы, ни её словообразовательной семантики: *dobrodziej* ‘делающий добро’.

Наличие в семантике польского производного имени существительного **лексического фона** – таких „непонятных семантических долей, которые входят в семену, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека”⁷ – довольно часто является серьезным препятствием для использования в русском тексте-переводе соответствующего межъязыкового эквивалента.

Фоновая лексика легко переводится с языка на язык, но иногда оказывается лишеной смысла в тексте-переводе, поскольку лексический фон у понятийно-эквивалентных слов не всегда совпадает. В русскоязычном тексте поэмы мы не находим соответствий польским лексемам *świątynia*, *zaloty*, *dworski*, *małżonek*. Переводчик опускает их, чтобы избежать семантической неточности перевода. Так, лексическое значение польского существительного *świątynia* и его русского эквивалента *храм* в обоих языках толкуется как ‘здание для богослужения’.⁸ Но для польского существительного характерна сема ‘возвышенно о христианской церкви’, которая отсутствует в толковании русского понятия. В словарной статье, посвящённой толкованию значения польского существительного *zaloty*, указывается, что это ‘действия, совершаемые с целью добиться расположения лица противоположного пола’, т.е. их может осуществлять как мужчина, так и женщина. В русском же языке *ухаживание* – обычно привилегия мужчин. Польское существительное *dworski* в словаре толкуется как

⁶ А. С. Мамонтов. *Номинативные единицы (слова) с фоновой окраской и их роль в восприятии художественного текста в условиях межкультурного общения*. [в:] *Семантика текста и проблемы перевода*, Москва, Академия наук СССР 1984, с. 79.

⁷ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. *Лингвострановедческая теория слова*, Москва. Издательство „Русский язык” 1980, с. 26.

⁸ Здесь и далее значения русских лексем определяются по *Толковому словарю русского языка*: В 4-х т., под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, Гос. изд-во иностр. и нац. словарей 1935–40.

‘связанный с княжеским двором’, а его русский лексический эквивалент имеет значение ‘принадлежащий к дворне, крепостной крестьянин’. Однако польский дворовой, служивший князю, не обязательно был крепостным.

Расхождения в лексическом фоне межъязыковых понятий обнаруживаются и при анализе их функционирования в речи. Например, польскому существительному *matzonek* соответствует русское понятие *муж*. Но в польском языке данное существительное употребляется „обычно в официальных обращениях, с оттенком литературности, иногда как шутливое обращение”.

Лакуны в русскоязычном тексте появляются и на месте польских лексем с более конкретным, суженным значением и соответственно с более узкой сферой употребления (по сравнению с русским), хотя в переводном словаре рассматриваемые единицы представлены как полные лексические эквиваленты. При переводе текста поэмы переводчик не случайно отказывается от существительных *zbieracz* и *zwierzyna*: польское существительное *zbieracz* обозначает ‘лицо, работающее на сборе фруктов, овощей, трав и т. п.’, а его русский эквивалент *собиратель* толкуется как ‘лицо, занимающееся собиранием чего-нибудь’. Польское существительное *zwierzyna* переводится на русский язык как *дичь*, однако значение русского межъязыкового эквивалента толкуется как ‘дикие птицы (иногда дикие животные)’, в то время как семантика польской лексемы более конкретна: ‘различные виды животных и птиц, обитающих на воле в лесах, полях, водоемах и болотах, признанные в соответствии с охотничьим правом животными, являющимися объектом охоты’.

Иногда непереводаемость польских производных имён существительных объясняется несовпадением объёма семантических понятий польских и русских лексем. Так, межъязыковая эквивалентность польского *dojeżdżacz* и русского *доезжачий* разрушается актуализацией разных компонентов значения, в результате которой появляются слова с близкой, но не тождественной семантикой. Польское существительное *dojeżdżacz* толкуется как ‘охотник на лошади, преследующий животное со сворой охотничьих собак’. В толковании же русского понятия доминирует другая сема: *доезжачий* ‘старший псарь,

распоряжающийся собаками во время охоты', поэтому переводчик и не вводит данное слово в текст перевода.

Субъективный характер лакун проявляется в тех случаях, когда польские производные имена существительные свободно переводятся на русский язык, но исключаются из текста по воле переводчика. Не случайно проблема перевода часто определяется как психологическая, поскольку в любом художественном языке выделяется субъективная сфера, опредмечивается аспект переживания субъектом того или иного объективного содержания⁹. Так, например, в русском тексте-переводе существительное *domostwo*, которое имеет значение 'дом, хозяйство, двор', опущено без значительного ущерба для смысла произведения, поскольку его семантика косвенно передается лексемами крючки, засовы, плиты. Ср.: польск.: *U drzwi domostwa wszystkie klamki, ćwiki, haki Albo ucięte, albo noszą szabel znaki* [с. 157] – русск.: *Засовы на бверях иссечены, побиты, В отметках сабельных крючки, засовы, плиты* [с. 717].

Довольно часто переводчик отказывается и от польских производных имён существительных, лексическое значение которых не может быть передано с помощью однословного русскоязычного эквивалента (польск.: *robocizna* – русск.: *рабочая сила*; польск.: *Dygnitarzówna* – русск.: *дочь сановника*; польск.: *prawica* – русск.: *правая рука*; польск.: *paliwoda* – русск.: *горячая голова*; польск.: *jutrzenka* – русск. *утренняя звезда*). Аналитические структуры русского языка, соответствующие польскому однословному наименованию, не всегда могут быть введены переводчиком в поэтический текст без разрушения синсемантического образа, т. е. без нарушения композиционных, ритмических и интонационных связей, организующих поэтическую речь. Ср.: польск.: *I tam za nią mignęła Wojskiego prawica* [с. 69] – русск.: *А Войский хлопнул вслед* [с. 629] при дословном переводе – *И там за нею мелькнула правая рука Войского*.

Иногда отсутствие в тексте-переводе эквивалента польского производного существительного компенсируется семантикой русских лексем, не являющихся ни дословным переводом, ни синонимичными конструкциями по отношению к польскому

⁹ Р. Г. Джваршейшвили. *Психологическая проблема художественного перевода*, Тбилиси. „Мецниереба” 1984, с. 7.

межъязыковому эквиваленту. Ср.: польск.: *Bo wszyscy zdają mi się mieć równe zasługi* [с. 135] – русск.: *Ведь каждый проявил и ловкость, и умение* [с. 695]. Польский оборот *mieć równe zasługi* переводится с помощью семантически близкой в данном контексте русской конструкции *проявить и ловкость, и умение*).

В некоторых случаях польское производное имя существительное не попадает в текст перевода только потому, что соответствующее ему русскоязычное слово-эквивалент не вписывается в структуру синтаксической конструкции, выбранной переводчиком. Ср.: польск.: *Były tam dwa serduszka z grotem i płomykiem, Dane dla Zosi, gdy Sak był jej zalotnikiem* [с. 236] – русск.: *Два сердца пламенных, пронизанных стрелю, Он Зосе побарил, томясь любовью злою* [с. 818]. Польское производное существительное *zalotnik* переводится на русский язык как *ухажёр*, но в составе конструкции *gdy Sak był jej zalotnikiem*, переведённой на русский язык с помощью близкого по семантике оборота *томясь любовью злою*, данная польская лексема опускается. Подобные переводческие решения ориентируются не столько на формальные, сколько на функциональные соответствия, позволяющие некоторые отступления от передаваемого текста.

Итак, „непереводимость” польских производных имён существительных в русскоязычном тексте поэмы А. Мицкевича *Pan Tadeusz* объективна и субъективна в своей основе. Появление лакун в языке перевода, выполненного С. Мар, обусловлено не столько словообразовательными особенностями производных лексем, сколько спецификой перевода поэтического текста, стремлением переводчика сохранить не только автосемантическую, но и синсемантическую образность текста (композиционные, ритмико-интонационные и эвфонические особенности организации поэтической речи); различиями в лексической и грамматической системах языка оригинала и языка перевода: асимметрией в наименовании одинаковых понятий (лексема в польском языке – словосочетание в русском языке); лексической недостаточностью языка перевода, обусловленной наличием в языке оригинального текста безэквивалентных или фоновых лексем, в семантике которых выделяются этнокультурно или национально-культурно маркированные семы и культурные коннотации.